

Фролова Галина (Белоконева) Сергеевна

...Началась блокадная жизнь... Моя обязанность - ходить за хлебом. Бывали случаи, когда карточки хлебные воровали, но меня, слава богу, пронесило. Беда пришла с другой стороны. 18 ноября 1941 года в наш дом попала бомба и разрушила стены. Мы с мамой и братьями успели спуститься в бомбоубежище. А папа нет... Помню, как после окончания обстрела я побежала к завалу, и голос мамы: «Дочка, не ищи, я нашла...». Папа был ещё жив, и его увезли в больницу. Я даже ходила к нему на следующий день. Но 21 ноября папа умер... Бориса отпустили из части на похороны. А вскоре Боря отправился на Синявские болота...

...В январе от голода умерла мама. Она лежала в нашем доме мертвая за стенкой две недели, а потом её завернули в пододеяльник и увезли на сборный пункт у Ботанического сада - груды покойников напоминали поленницу дров... Я в 13 лет осталась одна с двумя младшими братьями. Васю отвела в детский дом, маленького Сашу пыталась сдать в дом малютки. Сашу не приняли - увидели, что не жилец. Через неделю он умер. Помню, как его мертвого кинули на санки. Плакала всю обратную дорогу, и некому было видеть эти слезы...

Так я осталась совсем одна. Продолжила жить в нашей старой квартире, в темноте и холоде, с окнами, закрытыми одеялами. В соседней комнате по-прежнему обитала семья наших дальних родственников. Но «жили» и питались мы отдельно.

Однажды ночью я проснулась от того, что кто-то ходит по квартире. Двери в то время не запирались, всегда у всех были открыты. Борис! Оказалось, он приехал встречать с Ладоги какую-то машину. С собой у него был мешочек с кусочками еды - хлеба, сахара: сослуживцы попросили, чтобы Боря передал это их родителям. Весь следующий день мы ходили по адресам и раздавали фронтовые гостинцы. А мне брат оставил брикетки пшенной каши, как сейчас помню - шесть штук, и велел варить их по половинкам, чтобы хватило на подольше.

Ещё Борис привел меня в семью своего боевого товарища. Они жили в доме политкаторжан напротив Петропавловской крепости. Отец его умер, но осталась мать и семья сестры Бориного друга - тетя Надя с мужем дядей Лешей и их сыном. Дядя Леша, партийный работник, спустя несколько месяцев заговорил со мной об удочерении, но я подумала: «Какое удочерение, мне уже 13 лет!» Я хотела попасть в ремесленное училище, но

туда брали только с 14-ти. Объяснила свою позицию дяде Леше, он договорился, и меня взяли.

Жила в общежитии, получала паек и училась. Вскоре наше училище решили эвакуировать из Ленинграда по Ладоге. Мы уезжать не хотели. Тогда один пожилой политработник объяснил: «Ребята, поймите, вы сейчас нахлебники, если вас в Ленинграде будет меньше, то добавят кусочки хлеба рабочим на заводах!» В конце июля 1942-го в очень жаркий день нас привезли на Дорогу жизни. Когда подошел наш корабль, выяснилось, что директора училища нигде нет, потом мы узнали, что он купался. И тем самым спас наши жизни... Вместо нас на этом корабле оказалось другое училище – и он подвергся бомбардировке... В сам корабль не попали, но сильная волна, вызванная взрывами, снесла кого-то из ребят... А мы добрались на следующем рейсе до другого берега Ладоги без потерь.

Нас погрузили в вагон для скота – присесть некуда – и повезли к Волге. На Волге пересели на пароход. Ночью внезапно проснулись от взрыва. А ведь думали, что уже уехали от бомбежки... Оказалось, в темноте наскочили на затонувшую баржу. С долгими стоянками и пересадками мы добрались до города Куйбышев - сейчас Самара. Там группу наиболее ослабленных детей, я в их числе, сразу же отправили поправлять здоровье в «пионерский лагерь», так нам сказали. . Он, по законам военного времени, оказался не совсем обычным. Жили мы на дому – я попала к женщине с детьми, муж её погиб на фронте, и она смотрела на меня как на нахлебницу, но молчала. Запомнились наши ужины: на стол ставили миску с молоком, каждому давали по куску хлеба и ложки, и все черпали по кругу из этой миски.

Через какое-то время, отведенное на оздоровление, начала работать на авиационном заводе в районе Безымянки. Цеха только что построили, наш запустили, но продолжали закрывать потолки железом, не обращая внимания на уже работающих. Меня приставили к одному пожилому и очень доброму рабочему-слесарю. Мне вообще везло на хороших людей. Из штамповки приходили детали, наша задача – довести каждую до совершенства... Наставник всегда помогал, поправлял мои недоделки. Ученики работали наравне со взрослыми - по 8-10 часов. Зато кормили! И предоставляли жилье в общежитии. Правда, из-за клопов спать там было невозможно, И, было такое, если погода позволяла, выходила с подушкой на улицу и спала под открытым небом.